

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К СОВРЕМЕННОМУ КОНСТРУКТИВИЗМУ

В.С. ШВЫРЕВ

Если говорить об идейных источниках современного конструктивизма в историко-философской традиции, то их, конечно в первую очередь следует связывать с именем Канта. Вообще значение идей Канта для современной неклассической эпистемологии науки трудно переоценить – это повсеместно признается представителями философского сообщества нашего времени различной идейной ориентации¹. Именно у Канта получила свое четкое выражение та система взглядов, которую несколько условно можно назвать неклассическим конструктивизмом, чтобы отличить эту систему взглядов от представлений современного неклассического конструктивизма, которую можно рассматривать как результат более поздней эволюции конструктивистских идей. В гносеологии Канта, в его специфической концепции априоризма, в его идее априорного синтеза сформировалось представление о предзаданных познавательной деятельности системе предпосылок и «краевых условий», выступающих, говоря современным языком, порождающими механизмами научного знания, выделение которых в методологической рефлексии вычерчивает некую особую реальность предшествующих наличному знанию неявных познавательных структур.

Среди этих структур, как они представлены в априоризме Канта, следует, на мой взгляд, в перспективе дальнейшей эволюции в направлении современного конструктивизма, как он выступает в неклассической эпистемологии науки, обратить особое внимание на учение Канта о синтетических основоположениях рассудка, которое зачастую как-то затушевывается в обычном школьном изложении его априоризма. Между тем именно это учение имеет прямую корреляцию с представлениями о парадигмах, научных картинах мира, твердом ядре исследовательских программ в современной методологической литературе. Понятие априорных основоположений рассудка вводится Кан-

том тогда, когда он начинает рассматривать с точки зрения своих исходных установок естественнонаучное знание как некую целостную систему. Априорные основоположения и выступают в качестве необходимых предпосылок, лежащих в основании этой системы². Речь идет, таким образом, о некоторых исходных предпосылках естественнонаучного взгляда на мир, т.е., говоря современным языком, научной картины мира. Именно такие предпосылки и являются, по Канту, априорными в строгом смысле слова. Они лежат в основе «суждений опыта», выражающих конкретные законы науки. Последние носят всеобщий и необходимый характер, который придается им априорностью лежащего в их основе схематизма основоположений, однако сами они не являются априорными суждениями, поскольку для их получения требуется специфический опыт, который сам не заложен в основоположения. Кант специально оговаривает, что частные законы касаются эмпирически определенных явлений и для их познания необходим опыт, «хотя в свою очередь знание об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта, дается нам только упомянутыми априорными законами»³. Среди таких априорных основоположений «чистого естествознания» Кант указывает такие, как *«субстанция сохраняется и постоянна, все, что происходит, всегда заранее определено некоторой причиной по постоянным законам и т.д.* Это действительно общие законы природы, существующие совершенно а priori»⁴.

Нетрудно убедиться, что эти «действительно общие законы природы» не что иное, как возведенные в ранг априорной аподиктичности исходные постулаты современной Канту естественнонаучной картины мира. Иными словами, Кант канонизирует и абсолютизирует в виде априорных необходимых истин не просто фундаментальные законы естественнонаучной теории, но некоторые исходные онтологические постулаты современного ему механистического естествознания. Они не являются непосредственно законами науки, скажем законами классической механики, но тем не менее они существуют в качестве более или менее ясно осознаваемых и принимаемых научным сообществом того времени определяющих принципов интерпретации природы.

Оценивая всю эту концепцию Канта, следует, с моей точки зрения, четко осознавать два ее аспекта. С одной стороны, взгляды Канта, пользуясь современной терминологией, последовательно монологичны. Кант считает, что существует единственно верная система исходных принципов естественнонаучного взгляда на мир, задающая, так сказать, матрицу научной рациональности. Это, безусловно, дань классической гносеологии и в этом смысле и можно, на мой взгляд, говорить о неклассическом конструктивизме у Канта. И именно исходя из этой монологичности Канта, Рорти, например, ставит Канта в один ряд с такими мыслителями, как Платон и Кант, считая, что их всех объединяет вера в наличие некоей привилегированной познавательной системы. Однако у Канта по сравнению со всеми этими философами сама эта привилегированная познавательная система трактуется существенно иначе, что позволяет квалифицировать его концепцию как предвозвестницу неклассической эпистемологии. Кантовский априоризм, как известно, включен в структуру «критической философии» с ее отрицанием метафизической укорененности априоризма. Принципиально важно то, что для Канта любые научные построения выступают лишь «конечными» познавательными моделями, не могущими претендовать на полное схватывание реальности, на проникновение в сущность вещей. Это относится и к механистической картине мира, на основе которой Кант формулирует свою систему «чистого» естествознания. Как отмечала в свое время Л.М. Косарева, образ механизма начинает приобретать в культуре Нового времени сакральный характер⁵. Кант, в соответствии с исходными установками своего критицизма, «десакрализует механицизм, лишает его характера универсальной онтологии в классическом смысле, его априорные основоположения естествознания не могут обладать однозначным метафизическим статусом, несмотря на всю свою монологичность. Недаром известный русский философ Е.Н.Трубецкой в своей книге «Метафизические предположения познания» упрекает Канта за то, что, оборвав метафизические корни познания, Кант открывает дорогу злейшему врагу априоризма в классическом смысле этого понятия — прагматизма.

И действительно дальнейшее развитие посткантовской методологической мысли, шедшее в направлении отказа от монологической ригористичности априоризма Канта, привело в западной философии науки XX века к концепции функционального прагматического априори. Уже во времена господства логического позитивизма с его радикальным отрицанием идеи синтетического априори в любой ее форме раздаются голоса о необходимости реабилитации понятия синтетического априори. Но в ослабленном по сравнению с ортодоксальным кантианством виде (К. Льюис, А. Пап и др.). Как пишет, например, в 40-е гг. прошлого столетия — как мы помним, годы пика влияния так называемой стандартной концепции науки, — американский философ науки А. Пап, «мы принимаем кантову доктрину синтетических априорных принципов только постольку, поскольку они постулируются как неизменные и необходимые образующие условия опыта. Однако Кант не доказал и не мог доказать, что эти образующие условия не имеют альтернатив. Регулятивные принципы действительно не опровергаются опытом до тех пор, пока они используются как регулятивные принципы. Но опыт может внушить мысль об удобстве изменения данного регулятивного принципа или отказа от него»⁶. Несомненный интерес представляет далее обращение к идее синтетического априори Канта выдающегося биолога К. Лоренца, основателя этологии, взгляды которого легли также в основу эволюционной эпистемологии как направления современной неклассической философии. К. Лоренц исходит из того, что живое существо активно строит свое отношение к окружающей среде на основе генетически predetermined, т.е. в этом смысле априорной программы. В этом и заключается, по Лоренцу, рациональный смысл концепции априоризма у Канта для естествоиспытателя. Заметим, что здесь нетрудно усмотреть сходство позиции австрийского биолога с нашими отечественными идеями «физиологии активности», той же идеей моделей потребного будущего Н.А. Бернштейна. В то же время Лоренц четко дифференцирует это современное научное понимание априорности от собственно кантовского — априорность толкуется Лоренцем как возникающая в процессе

эволюции (т.е. апостериорно) приспособительная и тем самым изменчивая способность организма к решению витальных задач⁷.

Если же взять современную постпозитивистскую методологию науки, то в ней, с одной стороны, окончательно закрепляется представление об особом статусе исходных принципов в системе научного знания — основоположений, говоря языком Канта, — которые выступают как матрицы формирования конкретных научных знаний (исходные принципы научных картин мира в отечественной философии науки, метафизические компоненты парадигмы Куна), но, с другой стороны, решительно отвергается кантовский «монологизм» с его идеей единой и неизменной безальтернативной внеисторической системы абсолютно априорных постулатов, очерчивающих содержательное поле теоретического разума. Исходные функционально априорные основоположения науки должны истолковываться, тем самым, в духе «открытой рациональности», достаточно самокритичной и готовой к изменениям и совершенствованию.

Таким образом, от кантовской идеи гомогенного теоретического разума мы переходим к рассмотрению научного знания как гетерогенного образования, предполагающего в принципе многообразие различных интерпретационно-моделирующих схем, лежащих в их основе. Наряду с отказом от монологизма, гомогенности теоретического разума современная эпистемология науки вынуждена также отказаться и от идеала «чистоты» этого теоретического разума. Различие исходных интерпретационно-моделирующих структур определяется не только и даже не столько различием собственно познавательного подхода к реальности, но и многообразными мировоззренческими, социокультурными и социопсихологическими факторами, задающими так называемой человеческое измерение познания. Таким образом, в неклассическом конструктивизме размывается принципиальная для классики строгая демаркация теоретического и практического разума в осуществлении конструктивной деятельности по формированию научного знания: «Между познаваемыми объектами... и познающим субъектом стоят мировоззренческие, культурные и ценно-

стные предпосылки познавательной деятельности, несомненно влияющие на интерпретацию и истолкование фактов и даже на содержание теоретических принципов и постулатов научных теорий», — четко признает Е.А.Мамчур, решительно выступающая в то же время в поддержку объективизма в интерпретации науки⁸. Однако именно признание обусловленности производства научного знания этими предпосылками вненаучного характера, далекого от идеала бесстрастного поиска Истины, и стимулирует истолкование современного конструктивизма в релятивистском духе. Безусловно, что акцентирование в современном конструктивизме роли этих предпосылок, далеких от классического «чистого эпистемизма», резко обостряет проблемы познавательного статуса науки. И здесь, конечно, приходится сталкиваться с различными точками зрения. На наш взгляд, здесь не следует ни бросаться в крайности релятивизма, ни стремиться, опасаясь этих крайностей, отстаивать классическую точку зрения на выработку единственно верной точки зрения в процессе диалога различных позиций. Я не согласен с Е.А. Мамчур, что единственной альтернативой монологизма является представление о том, что споры в науке ведутся «просто из любви к искусству»⁹.

На мой взгляд, современная эпистемология науки не должна исходить из того, что в соревновании различных познавательных позиций обязательно должна возобладать одна позиция, одна теория, одна парадигма, и что только такой подход может спасти нас от релятивизма. Я полагаю, что если мы действительно не на словах, а на деле отходим от идеологии монологизма и переходим на позиции диалогизма, то даже успехи в течение длительного времени одной какой-либо теории или парадигмы не дают окончательных оснований для того, чтобы ставить точку в процессе познания и, наоборот, неудачи, неумение справиться с трудностями, контрпримерами, внутренними и внешними противоречиями в равной степени не исключает возможности последующего позитивного развития. (Ср. точку зрения И. Лакатоса о возможности возрождения казалось бы бесперспективной исследовательской программы.) Иными словами, приходится признать перманентность процесса

соревнования различных парадигм и исследовательских программ, ни одну из которых, несмотря на ее неудачи, не следует «с ходу», так сказать, сбрасывать со счета, как равным образом не надо рассматривать как окончательно правильную. Е.А. Мамчур соглашается с тем, что кантовская теория познания «во многих, а возможно, и основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека»¹⁰. Но если мы соглашаемся с принципиальным кантовским постулатом о феноменальности познания, то мы не можем разделять позицию совпадения содержания мысли и реальности, «как она есть сама по себе» относительно любой, даже кажущейся нам вполне достоверной, познавательной концепции. Соревнование, споры предполагаются, конечно, и в монологизме. Но в монологизме считается, что, в конечном счете, они должны приводиться к победе единственно верной точки зрения, и это рассматривается как нормальное положение вещей. Диалогизм же исходит из того, что «нормальным» является незавершенность спора, «открытость» отстаиваемых позиций. И такой подход, на мой взгляд, отнюдь не обязательно ведет к переходу на релятивистские позиции. Здесь, по моему мнению, надо более четко осознать, что же представляет собой эта самая позиция. Существо релятивизма в том, что все точки зрения и взгляды в принципе оцениваются как равноправные и у нас нет четких эпистемических критериев, позволяющих обеспечить предпочтение одной точки зрения над другой. Предпочтения, конечно, могут быть, но они проистекают из ценностных, эстетических, прагматических и т.п. предпочтений. То есть, что-то вроде подхода в известном анекдоте: и ты прав, и он прав, и все по-своему правы. Такой подход, с точки зрения реализации познавательной деятельности, прежде всего, неконструктивен, и по существу последовательно проводимый он стал бы капитуляцией перед реальной сложностью проблемы. Релятивистское «добру и злу внимающее равнодушие» никак не может соответствовать реальной практике научно-познавательного процесса. В этой реальной практике ученый никогда не становится и не может стать на релятивистские позиции. Незавершенность процессов оцени-

вания различных точек зрения и неадекватность примитивных критериев этого оценивания в плане эффективности решения познавательных задач не означает того, что такой процесс постоянной идеи, и в любой его фазе можно с той или иной степенью определенности оценить конструктивность имеющихся познавательных позиций. Разделяя по существу установку «открытой рациональности», научное сообщество стремится определить для себя реальные возможности соревнующихся теорий, гипотез, исследовательских программ, каждая из которых в определенный момент времени обладает известными, рационально оцениваемыми преимуществами или, наоборот, некоторыми слабостями.

Такая картина, согласимся, весьма далека от пассивного релятивизма. Она предполагает конструктивный диалог в духе коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас). Несколько слов об этих понятиях. Отказ от монологизма, к сожалению, вовсе не означает автоматического перехода на позиции конструктивного диалогизма. В свое время, используя сразу ставшие модными эти бахтинские понятия, мы в должной мере не провели их тщательного критико-рефлексивного анализа, не уяснили полутонов, промежуточных позиций и пр. На мой взгляд, прежде всего надо учитывать, что само понятие диалога как культурологического понятия и связанная с ним проблематика человеческого сознания шире понятия диалога применительно к научно-методологической проблематике, диалогичности в духе коммуникативной научной рациональности¹¹. Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса подвергалась, как известно, жесткой критике за неоправданный идеализм, недостаток здравого прагматизма, невнимание к механизмам силы и власти, господствующим в обществе и т.д. Все эти упреки во многом справедливы по отношению к коммуникативной рациональности как общесоциологической доктрине, но они, на мой взгляд, не подрывают конструктивности идеи коммуникативной рациональности как некоей регулятивной идеи в рамках научного этоса, идеалы которого исключают недобросовестность, плагиат, использование административного ресурса и прочие «прелести» включенности реальной науки в жизнь общества, так же, как

несовпадение реального поведения людей с нравственными идеалами не означает неконструктивности последних.

Итак, то что конкуренция различных исследовательских программ, обуславливаемых не сводимыми друг к другу системами исходных предпосылок, не заканчивается с точки зрения диалоговой коммуникативной рациональности, окончательной победой или поражением одной из этих программ, одна из которых получила бы монопольное право на истину, на схватывание реальности «как она есть на самом деле», вовсе не означает, что «споры в науке ведутся просто из любви к искусству»¹¹. Целью этих споров является совершенствование, развитие различных точек зрения, изобретение более успешных интерпретаций и схем, которые, однако, не теряют своего характера относительных моделей реальности, в принципе сохраняющих дистанцию по отношению к последней. На мой взгляд, нет жесткой альтернативы: или истина в классическом духе, в духе монологизма, или релятивизм. В конце концов, почему мы так охотно отказываемся от старой идеи относительности истины, в которой несомненно есть определенное рациональное содержание, которое хотя бы снимает догматичность вышеуказанной альтернативы. Дискуссии в науке это вовсе не соревнование в риторике, это мощный инструмент отбора наиболее жизнеспособных взглядов. Здесь безусловно правомерна выдвигаемая так называемой эволюционной эпистемологией аналогия с естественным отбором в живой природе. И так же, как в живой природе жизнеспособность различных ее форм определяется их способностью решать стоящие перед ними жизненные задачи, так в конкуренции научных программ и позиций выживают те, которые оказываются более успешными в решении стоящих перед наукой задач. Здесь, конечно, возникает естественно напрашивающийся вопрос: что именно это за задачи, и каковы критерии их успешности? В классической гносеологии ответ был достаточно прост и ясен — конечной задачей является выход на финишную прямую совпадения содержания знания с природой исследуемого объекта. И соответственно критерии такого совпадения тоже были достаточно ясны — это была очевидность проникновения в объект, схватыва-

ния его в непосредственной достоверности для познающего субъекта, «естественный свет» разума, интеллектуальная или эмпирическая очевидность. Все многообразные варианты критерия эмпирической проверяемости в эпистемологии наука XX века вплоть до утонченных его версий в «методологии исследовательских программ» И. Лакатоса по существу являются реминисценцией этого старого «добротого» классического идеала. Если же неклассическая эпистемология науки вынуждена отойти от этого идеала, отказаться от идеи прямого схватывания объекта, от того, что в современной западной философии называется «метафизикой присутствия», то вопрос об успешности знания и о критериях этой успешности становится далеко не таким простым. Если у нас нет возможности прямого выхода на объект, то приходится стремиться, так сказать, зацепить его в многообразии различных моделей (ср. «принцип пролиферации» Фейерабенда). Очевидно, что современная неклассическая методология науки не должна заикливаться на идеях эмпирического обоснования. Так, например, Р.М. Нугаев отмечает, «что программа Эйнштейна вытеснила конкурентов не только потому, что оказалась лучшей в эмпирическом отношении. Она превосходила соперницу также и потому, что явилась основой для широкого диалога, подлинной коммуникации между представителями ведущих парадигм старой физики... История науки может рассматриваться как история постоянно флуктуирующих, зарождающихся и исчезающих теоретических и экспериментальных практик. Из всего этого виртуального моря только те традиции способны выжить, которые могут поддержать друг друга, взаимно усилить друг друга, приводя к расширению и углублению наших знаний о мире»¹². Сказанное выше не означает, конечно, отрицания роли эмпирического фактора в оценке теорий. Однако эта оценка носит гораздо более сложный характер, чем это представлялось в классике. Наконец, выше говорилось о влиянии различных вненаучных ценностных, социокультурных и пр. факторов на формирование научного знания. Здесь, однако, приходится вспомнить рациональный момент известной старой идеи о различии «контекста открытия» и «контекста оправдания».. Какие бы

факторы вненаучного характера не определяли бы возникновение исследовательских программ, теорий, гипотез и т.д., оцениваются они научным сообществом все-таки и с точки зрения их познавательной эффективности. Скажем, сейчас много споров идет вокруг учения Дарвина. Выявляются его вненаучные предпосылки, в частности, концепция естественного отбора. Но все-таки серьезная критика связана не с этим, а с познавательными возможностями его взглядов. Если бы с этой сферой не возникало бы проблем, то не было бы и особого взимания к предпосылкам из вненаучной области. То есть критическая рефлексия в первую очередь порождается проблемами в познавательной сфере, а уже затем ищут источники этих проблем в области вненаучных предпосылок.

Примечания

¹ См., напр.: *Рокмор Т.* (США) Постнеклассическая концепция В.С. Степина и эпистемологический конструктивизм // Человек, наука, цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина. М., 2004, С. 252. По мнению отечественного философа Е.А. Мамчур, кантовская теория познания во многом, а возможно и в основных своих чертах является наиболее адекватной процессу познавательной деятельности человека (см.: *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. М., 2004, С. 29). Мнение Е.А. Мамчур тем более симптоматично, что она является решительным противником релятивизма в современной эпистемологии науки.

² См.: *Кант И.* Соч. в шести томах. Т. 4 (1). М., 1965. С. 124 – 125.

³ Там же. С. 112 – 113.

⁴ Там же. С. 124 – 125.

⁵ *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 56.

⁶ *Рар А.* The apriori in Physical Theory. N.Y., 1946. P. 72 – 73.

⁷ *Лоренц К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биоэтики // Лор

⁸ См.: *Мамчур Е.А.* Указ. соч. С. 33.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹ Мамчур Е.А. Указ. соч. С. 9)

¹² См., в частности: *Шукин В.Г.* О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2007. № 7.

¹³ *Мамчур Е.А.* Указ. соч. С. 9.

¹⁴ *Нугаев Р.М.* Смена базисных парадигм: концепция коммуникативной рациональности // Вопросы философии. 2001. № 1.